

Андреев Евгений Константинович

атташе Представительства МИД РФ в г. Чите
тел.: (964) 462-42-40**КИТАЙСКИЙ «НАДГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕГИОН» В ПРОЦЕССЕ «ВНЕШНЕЙ» РЕГИОНАЛИЗАЦИИ КНР****Аннотация:**

В статье анализируется процесс «внешней» регионализации КНР по методу структурно-функционального анализа с использованием теоретических подходов, разработанных на кафедре Востоковедения Забайкальского государственного университета. Традиционное понятие «регион» рассмотрено через призму социокультурного.

Ключевые слова:

регионализация, глобализация, новый регионализм, КНР, гармоничное общество, социокультурное.

Andreev Evgeniy Konstantinovich

Attaché of Representation of the MFA of Russia in Chita
tel.: (964) 462-42-40**CHINESE “SUPRANATIONAL REGION” IN THE PROCESS OF “EXTERNAL” REGIONALIZATION OF PRC****The summary:**

The author analyzes the process of Chinese “external” regionalization in the perspective of structural functionalism with implementation of theoretical approaches, which were introduced on the Department of Oriental studies in Zabaikal State University. Region as a concept is reviewed on the socio-cultural basis.

Keywords:

regionalization, globalization, new regionalism, PRC, harmonious society, social and cultural.

«Внешняя» регионализация КНР, предусматривающая формирование не имеющего четких пространственных границ китайского региона с доступом к его ведущим ресурсам и потенциалам, среди которых основными становятся оборонные, продовольственные, финансовые, информационные, людские потоки и возможности, является актуальным явлением современных политических и экономических отношений в мире. Другое ее направление – формирование новых региональных социокультурных образований с усилением в них ведущей роли и политического, военного, экономического, культурного влияния КНР. Для этого в Китае разработаны и реализуются стратегии мирного построения «гармоничного общества» и «гармоничного мира» в глобальной «великоханьской» перспективе. Учитывая значимость феномена китайской «внешней» регионализации для России, дадим ее общее определение. «Внешняя» регионализация представляет собой процесс глобализирующегося социокультурного развития Китая, в ходе которого появляются относительно самостоятельные субъекты международной практики – «надгосударственные регионы». Это одна из новейших китайских моделей региональной интеграции на основе развития интенсивных связей, вырастающая из трансграничного и приграничного сотрудничества, но ведущая к уменьшению числа национальных суверенитетов.

Любая региональная система нуждается прежде всего в общем структурном представлении, адекватном своей сложноорганизованности. Ближе к самой сути системности региона продвинулись отечественные исследователи, в том числе в общенаучном плане – Ю.Ф. Абрамов, О.В. Бондаренко, А.Н. Лапшин, В.В. Мантатов, П.Л. Попов [1, 2]. По мнению последних, регион как социоприродная система обладает тремя фундаментальными компонентами: территориальной организацией, ресурсным потенциалом и системой воспроизводства. Причем каждая из них дифференцируется в отдельную подсистему региональной системы. По мнению ученого В.А. Абрамова, этот оптимальный набор системообразующих элементов любого региона обязательно должен включать и региональные культурные ценности – социокультурный подход [3, с. 20].

Сочетание социоприродного и социокультурного подходов является наиболее продуктивным в плане комплексного представления, долгосрочного прогнозирования и структурно-функционального анализа китайского «нового регионализма», формирующего различные конструкции «китайского региона». Причем этот процесс охватывает не только китайский социум, но и его надгосударственное расширяющееся социокультурное и экономическое пространство, что позволяет проецировать это уникальное явление как глобализирующуюся китайскую регионализацию. С точки зрения двух обозначенных подходов, китайское государство, по мнению В.А. Абрамова, необходимо рассматривать как пространственную социокультурную систему следующих уровней: 1) инновационно-форматирующихся в стратегии построения «гармоничного общества» ее различных внутренних регионов; 2) экспансивно развивающаяся региональная надгосударственная система, полностью или частично охватывающая территории двух или более государств; 3) китайское государство-регион как подсистема системы международных отношений. Соответственно, эти уровни конструкций-реалий должны обозначаться определенными понятиями: внутренние регионы Китая, китайский надгосударственный регион и китайское государство-регион. Таким образом, понятие «китайский регион», представляя комплекс явлений-признаков взаимообусловленного процесса внутренней и внешней регионализации КНР [4, с. 36], является вариативным. Логику его использования можно соотнести с вариативным содержанием более общего понятия «регион».

П.Л. Попов предполагает, что содержание понятия «регион» проявляется в нескольких аспектах: 1) любой регион воспринимается как нечто внутренне единое и обособленное; 2) региональное явление выступает как фактор единства региона; 3) отношением общности частей региона является не только сходство, но и связь; 4) степень общности (сходства или связи) может быть большей или меньшей; 5) набор признаков-переменных, индивидуализирующих определенный регион, может меняться; 6) границы региона подвижны [5].

Согласно классической науке, во всех элементах объема определенного понятия содержится признак или комплекс признаков, общий для них. Например, применительно к понятию «территориальная организация региона» таким комплексным признаком должно быть сочетание (неизменное, инвариантное) социокультурных и природных явлений, свойственное только данному региону. Но каждому региону или его элементу (части), как показал П.Л. Попов, свойственен не инвариантный, а вариативный в нескольких аспектах комплекс явлений. Соответственно, вариативным является и само понятие «регион».

Л. Витгенштейн в теории фамильных сходств и М. Вебер в теории идеальных типов рассматривали суть вариативных понятий. В объеме понятия, считал Л. Витгенштейн, вместо общего и специфического признака присутствует сложная сеть сходств. Именно эта сеть позволяет рассматривать объекты, включаемые в объем данного понятия, как нечто относительно однородное и обособленное [6]. Социальное явление у М. Вебера лишь отчасти соответствует своему идеальному типу, а объем понятия, отражающего это явление, представляет собой комплекс различных вариативных приближений к идеальному типу [7].

Вариативный механизм образования новых понятий относится и к рассматриваемому нами понятию «китайский регион», а также его конкретным уровням: китайский надгосударственный регион, китайское государство-регион, внутренний регион Китая. В содержании каждого из этих понятий отражен определенный комплекс, все элементы которого и образуют идеальный тип (по М. Веберу). Реально существующие неполные комплексы, всего лишь близкие к идеальному типу-представлению, образуют (по Л. Витгенштейну) сеть сходств. Такая усложненность образования рассматриваемых понятий связана с трудностью познавательного процесса и тем, что любой китайский регион является не только социоприродным, но и социокультурным образованием. Эти обстоятельства предопределяют сложность выделения признаков, сети сходств, образующих типологическое ядро китайского региона, сложность выявления его границ, имманентных свойств и отличий.

Понятие «китайский регион» выражает сущность содержания «внешней» регионализации КНР, не ограничивающейся институциональными границами государства и целенаправленно расширяющейся в мировом социокультурном и природном пространстве. Поэтому понятие «китайский регион» более динамично, шире по содержанию и несравненно значительнее по статусу в международном масштабе по сравнению с понятием «внутренний регион Китая».

По В.А. Абрамову, понятие «китайский регион» имеет два уровня представления – надгосударственный и государственный [3, с. 100]. «Государственный» уровень, то есть китайское «государство-регион» представляется как самодостаточное образование («мир в миниатюре»), имеющее высокую степень социокультурной однородности и определенности, очерченное государственной границей, которая в существенной мере конвенциональна. Такое рассмотрение не позволяет включать в «китайский регион» территории, в полном смысле слова, являющиеся самостоятельными государствами, но может включать регионы, имеющие статус, близкий к государственному. В силу своей внутренней однородности и обособленности этот уровень «китайского региона» характеризуется стремлением к относительной независимости и контролю над собственными частями своей комплексной системы, состоящей из внутренних регионов-подсистем.

«Надгосударственный» уровень представления позволяет охарактеризовать «китайский регион» как образование, включающее в себя не китайские социокультурные пространства, полностью или частично охватывающее территории соседних государств. Частями «надгосударственного» уровня «китайского региона» могут быть отдельные государства Восточной Азии как ареала распространения конфуцианско-буддийской культуры. Каждый китайский «надгосударственный регион» рассматривается специфицировано от других регионов такого же уровня. Он в малой степени однороден (един), его границы размыты, что затрудняет их выявление. Проблемный характер познания китайского «надгосударственного региона» ориентирует исследователей на анализ основ его реализации в трансграничном регионализме – новой форме международного сотрудничества, а также приграничном сотрудничестве как его социокультурном факторе.

Проблемами трансграничного и приграничного сотрудничества в отечественной науке занимаются С.С. Артоболевский, Б.М. Гринчел, Н.С. Данакин, Л.Я. Датченко, К.Н. Знаменская, В.И. Иванов, Н.Е. Костылева, Г.А. Котельников, А.В. Кузнецова, В.Л. Ларин, О.П. Литовка, Н.М. Межевич, К.В. Павлов, В.И. Патрушев, В.Е. Рохчин, О.Н. Яковлева и др. Специфика трансграничного регионализма традиционно связана с политической сферой, расширением экономического взаимодействия, характер и содержание которого направлены на создание интеграционных региональных объединений. Объективный анализ и плодотворные интерпретации процессов восточноазиатского регионализма представлены в теории становления пространственной восточноазиатской структуры стабильности и равноположенного развития А.Д. Богатурова, в теории многофакторного равновесия А.Д. Воскресенского, а также в теории нового регионализма, разрабатываемой западными исследователями [8, 9, 10].

Региональное приграничное сотрудничество чаще рассматривается лишь как стратегия, способствующая политической и экономической независимости. Однако анализ практики китайского трансграничного регионализма показывает, что его региональные конструкции потенциально значительно шире форм, предусмотренных существующими моделями международной интеграции.

Китайский трансграничный регионализм, являясь одним из механизмов реализации «нового регионализма», предстает как пространственно интегрированная форма социокультурного сотрудничества для решения актуальных проблем развития прежде всего приграничных внутренних регионов. Пересекая границы национальных административных практик, он формирует осознание глобальной связанности, взаимозависимости, общих интересов и возможности соработки в пределах сформированного или формирующегося китайского «надгосударственного региона». «Транснациональный регионализм представляет собой "субнациональную парадипломатию" в широком масштабе и в разных географических контекстах...» [11].

Формирующийся китайский «надгосударственный регион», связывая процессы соразвития приграничных общностей, заинтересованных в трансграничном и приграничном сотрудничестве, их территориальную организацию, региональное воспроизводство, региональные ресурсы и ценности культуры, способен осуществлять специфическую функцию своего национального контроля и управления, перенося ее на границы ближайших соседей. Внутри надгосударственного региона сотрудничающие стороны могут вступать в противоречивые отношения, проигрывать, в чем-то уступать свои региональные пространства, которые экономически, культурно будут поглощенными в трансграничном взаимодействии, но они не выйдут за рамки обозначенного международного пространства. Надгосударственное региональное объединение позволяет моделировать международное пространство в соответствии с политическими интересами государства-доминанта, в нашем случае – Китая. Так, систематизация эмпирических наблюдений в практике международных отношений внутренних российских регионов с соседними внутренними регионами КНР показывает эффективную эксплуатацию российских ресурсов. Организационный механизм процесса китайской внешней регионализации, то есть ее трансграничный регионализм, способен «присваивать», «поглощать» определенные участки физического, экономического, политического, социокультурного пространства России.

Многозначность форм трансграничного регионализма отражается в проблеме постоянного пересмотра границ расширяющегося китайского «надгосударственного региона», необходимости учитывать возрастающую роль наднациональных организаций, интернационализацию хозяйств и стремление к расширению интересов китайского государства, использующего для этих целей ценности «мягкой силы». Такое понимание подтверждается массовым стремлением к инновационным изменениям различных практик во внутренних регионах КНР, попытками политической, культурной, экономической легализации своих учредительных полномочий, права законодательно регулировать общественные отношения, самостоятельно участвовать в международной деятельности.

Международный опыт свидетельствует, что трансграничное (особенно приграничное) сотрудничество является наиболее эффективной формой интеграционного взаимодействия, позволяющей учитывать специфику потребностей населения данных территорий, задействовать административные возможности региональных и местных властей, чтобы привлечь к международному сотрудничеству средний и малый бизнес, которому труднее выйти на международные контакты, чем крупному.

Следует отметить, что внешнеполитическое понимание «надгосударственного региона» получило распространение у западных, особенно американских, ученых уже давно. Решение региональных проблем у них связано с построением конкретной политической системы в рамках определенной региональной стратегии. Поэтому наряду, например, с естественными коммуникациями американская традиция выделяет в качестве интегрирующего регионального фактора все виды транспортных коммуникаций, тип хозяйствования или общие природные ресурсы, регулируемые политико-правовыми механизмами. На наш взгляд, феномен Соединенных Штатов, организовавших в сложном процессе внутренней регионализации, может быть понят не столько через производственную деятельность, сколько через развитие их политической отрасли, отразившейся затем во внешней регионализации. В западноевропейских концепциях формированию такого «надгосударственного региона», как Европейский союз в значительной степени способствует культурный фактор. Однако, несмотря на то, что принятие статуса «союз» обозначило стремление европейских государств к политической унификации, внутри своего объединения они продолжают придерживаться регионального принципа национального деления, выступая как целое только в отношениях с внешним миром. Необходимо учитывать и то, что ЕС, рассматриваемый в качестве модельного «надгосударственного региона», не может быть универсальной конструкцией, применимой, например, в случае построения «надгосударственного региона» восточного типа.

Прогнозируемый китайский «надгосударственный регион» обладает, на наш взгляд, качеством, отсутствующим у западной модели региона, – гибкостью в присвоении и трансформации чужого пространства, что превращается в инструмент глобальной политики. Другим его качеством является способность редуцировать объективное стремление китайского государства к изоляции и одновременно усиливать стратегию разностороннего глобального расширения, устанавливать связи социокультурного взаимодействия, выравнивая с помощью этого построения качественные характеристики жизни своего населения. Приведенные характеристики указывают на китайский «надгосударственный регион» как межгосударственную конструкцию, отвечающую решению проблем построения нового мирового порядка по-китайски, что выходит за политические границы китайского государства и предполагает увеличение роли его внешнеполитических факторов и структур. Конечно, надгосударственный регион не может иметь собственных законов, которые являются прерогативой государства. В то же время подобный регион – это целенаправленные территориальные, воспроизводственные, ресурсные, ценностные изменения в приграничных внутренних регионах соседних стран, связанные с подготовкой региональной (а не национальной) политической элиты, регионального имиджа. Функции укрепления китайских национальных границ переносятся уже на внешние региональные границы, что предполагает и в том, и в другом случае наличие управляющего центра.

Понятие «управление» может применяться только к стандартизированным объектам. Оно становится реально невозможным для управляющего центра в ситуации, когда управляемая территория, то есть китайский «надгосударственный регион», имеет гибкие, изменяющиеся пространственные очертания – квазиграницы. В этом случае формирующийся китайский «надгосударственный регион» объективно и корректно представляется нами лишь как вспомогательное международное пространство. Состояние и качество взаимозависимости в нем фиксирует определенный набор участников трансграничного регионализма, связанных распределением ресурсов социокультурного и природного существования по горизонтальным и вертикальным линиям. Эта особенность лишает подобный регион количественной стандартизации его функций.

Однако его главной отличительной чертой является создание системы международного признания и выполнения участвующими сторонами общих целей и принципов функционирования.

Ссылки:

1. Абрамов Ю.Ф. Регион: научное понятие и реальность / Ю.Ф. Абрамов, О.В. Бондаренко, А.Н. Лапшин, В.В. Мантатов. Иркутск, 2001.
2. Попов П.Л. Элементы теории регионов. Новосибирск, 2005.
3. Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. М., 2010.
4. Абрамова Н.А. «Китайский регион» в политическом измерении. Чита, 2008.
5. Попов П.Л. Элементы теории регионов. Новосибирск, 2005.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 5.
7. Weber M. Weltgeschichtliche Analysen. Politik // Soziologie. Stuttgart, 1956.
8. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997.
9. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
10. The New Regionalism and the Future of Security and development / B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel (eds.). Basingstoke, 2000.
11. Скотт Дж. Стимулирование кооперации: могут ли еврорегионы стать мостами коммуникаций? URL: www.indepsocres.spb.ru/scott_r.htm (дата обращения: 25.11.2011).

References (transliterated):

1. Abramov Y.F. Region: nauchnoe ponyatie i real'nost' / Y.F. Abramov, O.V. Bondarenko, A.N. Lapshin, V.V. Mantatov. Irkutsk, 2001.
2. Popov P.L. Elementy teorii regionov. Novosibirsk, 2005.
3. Abramov V.A. Globaliziruyushchiysya Kitay: grani sotsiokul'turnogo izmereniya. M., 2010.
4. Abramova N.A. "Kitayskiy region" v politicheskom izmerenii. Chita, 2008.
5. Popov P.L. Elementy teorii regionov. Novosibirsk, 2005.
6. Vitgenshteyn L. Filosofskie issledovaniya // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. M., 1985. Issue 5.
7. Weber M. Weltgeschichtliche Analysen. Politik // Soziologie. Stuttgart, 1956.
8. Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. M., 1997.
9. Voskresenkiy A.D. Rossiya i Kitay: teoriya i istoriya mezhgosudarstvennykh otnosheniy. M., 1999.
10. The New Regionalism and the Future of Security and development / B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel (eds.). Basingstoke, 2000.
11. Skott J. Stimulirovanie kooperatsii: mogut li evroregiony stat' mostami kommunikatsiy? URL: www.indepsocres.spb.ru/scott_r.htm (date of access: 25.11.2011).